

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГЕРМАНСКИЕ, РОМАНСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

*Статья поступила в редакцию: 01.07.2026**Статья принята к публикации: 16.07.2026**Статья опубликована: 21.08.2026***УДК 811.11****Тезео Пини из Урбино и плутовское тайноречие в художественной литературе Италии XV–XVIII вв****Рыжов Алексей Анатольевич**
переводчик-итальянист

Италия, г. Комо

*E-mail: samhaimshelagrippa@gmail.com***Teseo pini of urbino and rogues' cryptolect in 15th-18th centuries Italian literature****Rizhov Alexey Anatoljevich**
Italianist, Interpreter & translator
Italy, Como**Аннотация**

Лепта урбинца Тезео Пини в появление плутовского тайноречия (блатного жаргона, *il furbesco*, тайн. *il contrappunto*) в художественной литературе Италии оценивается по метафрастическому методу “*transferentem fugere non possunt*” Плиния Младшего [36, с. 137], пользуясь результатами переводческих исследований. Бытовавший в социальных низах с ок. XIII в. блатной жаргон стал модным в литературных кругах и в высших слоях итальянских государств XVI–XVII вв., служил ренессансным интеллектуалам источником языкового обогащения и стилистическим средством в виде жаргонных вкраплений и впервые в виде связного текста (фрагмента) в художественной литературе Италии был использован стоявшим у истоков западноевропейского пикарескного жанра учёным викарием Тезео Пини в его фтохологическом компендиуме «Зерцало черретанов» (*Teseo Pini, Speculum cerretanorum*, 1484 – 1486 гг.) с эпизодами и новеллами о побирушных проходимцах-

---

Библиографическое описание: Рыжов А.А. Тезео Пини из Урбино и плутовское тайноречие в художественной литературе Италии XV–XVIII вв // *Universum: филология и искусствоведение* : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23278>

черретанах, получившем известность в тосканской переработке Рафаэле Нобили (1621 г.). Зачинателем создания цельнотайноречных произведений на блатном жаргоне явился Антонио Броккардо, поэтика которого оказалась объективно противопоставленной архаичным лингвистическим установкам теоретика литературы, аристократа и кардинала Пьетро Бембо.

Abstract

Urbino native Teseo Pini's input to rogues' jargon (thieves' slang, i.e. *il furbesco*, crypt. *il contrappunto*) appearance in Italian artistic writings assessed according to Pliny the Younger's "transferentem fugere non possunt" [36, p. 137] metaphrastic principle, through translator's toil. Since the 13th cent. in usage among lower social classes, got trendy in 16th-17th cent. literary circles & upper strata of Italian States, employed by Renaissance intellectuals as a linguistic enrichment source, esp. through slangy inserts for stylistic purposes, rogues' cryptolect in the form of a coherent text (fragment) in Italian literature was first used by Teseo Pini – a lettered vicar & forerunner of WE picaresque literary genre – in his mendicants compendium 'Speculum cerretanorum' (1484-1486) with episodes & novels about cerretani strolling alms collectors, met with popularity later in Rafaele Nobili's Tuscan re-elaboration (1621). Full-length literary writings in rogues' jargon were introduced by Antonio Brocardo, whose poetics objectively came in contrast to Cardinal, aristocrat & literary theorist Pietro Bembo's archaic principles.

Ключевые слова: Тезео Пини, блатной жаргон в Италии, Антонио Броккардо.

Keywords: Teseo Pini, *il calmóne*, *il furbesco*, Antonio Brocardo.

Введение

С выходом в свет перевода [31] произведения «Бродячий люд» Рафаэле Нобили (Rafaele Nobili, "Il Vagabondo", 1621 г.) – переработки обнаруженной в 1935 г. рукописи «Зерцало черретанов» учёного викария Тезео Пини (Teseo Pini, *Speculum cerretanorum*, 1484–1486 гг.) – стало целесообразным сообщить о ряде филологических находок, сделанных в ходе переводческой работы, методология которой, основанная на марксистско-ленинских принципах диалектического материализма и научного атеизма, материализовалась в тексте перевода (57 стр.) с 286 примечаниями (118 стр.), Предисловии (110 стр.) с 356 примечаниями (63 стр.) и перечне 139 использованных источников.

Материалы исследования

Плутовское тайноречие (блатной, или нищенский жаргон) – исторический язык социальных низов, использовавшийся с ок. XIII в. на территории Паданской низменности (Милан, Венеция, Па́дуа, Пави́я и т.п.) и в Центральной Италии (Флоренция, Рим) не только на разговорном уровне в нищесредней и блатной среде, но и в качестве стилистического средства в литературе (в частности, в эпоху Возрождения) и, более того, слышавший в высших слоях общества XVI в. модным:

il furbesco плутовская феня, блатной жаргон

lingua furba плутовской язык,

gergo furbesco плутовской жаргон,

gergo furfantino шаромыжный жаргон,
 gergóne лихой жаргон;
 lingua furfantesca прохиндейский язык,
 il parlar furfantesco прохиндейская речь,
 lingua dei malandrini язык проходимцев,
 lingua criptata скрытный язык,
 criptolalia (η κρυπτολογία – тайноречие),
 lingua dei malviventi язык преступных элементов,
 lingua zerga плутовской (или ба́йковый) язык,
 тайн. cifra di campo di fiori досл. феня цветочного поля (т.е. ворья),
 тайн. il contrappunto тайн. (блат)музыка, фёня, афёньский язык,
 лат. lingua impostoria мошеннический язык.

il furbésco воровская феня < фр. fourbe (известное с 1455 г. слово из жаргона «ракушников», или кокильяров /coquillards/) вор < fourbir – о(б)чищать (карманы и т.п.)

Ср. уст. тайн. il calmóne – кальмонский (прохиндейский или тайн. кружевной) жаргон – старинное название обладавшего более широкой сферой применения – бытового и нищенского – тайноречия, которое имело хождение в Италии с ок. XII-XIII вв. и основывалось на подбираемых также и на ходу метафорах (т.е. одно называется другим для введения окружающих в заблуждение).

уст. тайн. la calma обман, тайн. кружева, туфта
 тайн. la calmóna милостыня
 тайн. calmare говорить на кальмонском жаргоне
 gergo calmonésco жаргон в кальмонском стиле
 parlare in calmo (или calmóne) говорить иносказательно, по-кальмонски

В расширительном значении жаргон кальмонский (il calmóne, il calmonésco) воспринимался синонимом блатного (или воровского, il furbésco, тайн. il contrappunto), о чём свидетельствует французский лексикограф-итальянист Джованни Венерони (он же Жан Виньерон /Jean Vigneron/, 1642-1708 гг.):

calmeo un narquois, un qui parle narquois; einer der verblümte Redens, Arten und Reden brauchet/ figurate & tropice loqueus. Item, eine betriegliche/ rotwelsche/ Feld- oder Zigeuner Sprach/ lingua impostoria (плут; тот, кто говорит на плутовском жаргоне; кто пользуется образными словами, речью, выражениями / говорящий иносказательно и фигурально. И ещё: обманной/ ротвельшский/ сельский или цыганский/ прохиндейский язык) [45, с. 152].

Самые ранние (до 1460 г.) произведения на кальмонском жаргоне – это образующие своеобразный поэтический диалог «Сонет в кальмонском духе» (Sonetto calmonesco) Джованни Франческо Соарди (Giovanni Francesco Soardi, Верделло /пров. Бérгамо/, ок. 1422-1468 гг.) и «Ответ по-кальмонски» (Risposta in calmone) гуманиста Феличе Феличано (Felice Feliciano, Верона, 1433-1479 гг.) [19, с. 9-I, 9-II], где использована в меньшей мере лексика из плутовского жаргона (il furbésco: zarla /нога, голень/, pelosa /душа/, напр.), а преимущественно – иносказательные средства (il calmóne: pozzare /пить/, luscari /смотреть/, dolar d'ogni legno la gobba /всякий обстругивать горбыль/, balestrar /посылать; швырять/).

Маттéo Мария Боярдо (Matteo Maria Boiardo, 1441-1494 гг.) во «Влюблённом Орландо» (1483 г.) выражение «по-кальмонски» (*in calmo*) использует для характеристики служившего царю Фиесса «жулика Брунелло», который

sempre in calmo e per zergo ragiona... [9, т. II, III, 40, 3, с. 712]

(всё по-кальмонски да на жаргоне рассуждает.)

Франческо Берни (Francesco Berni, 1497 – 1535 гг.) в своей переработке (1528-1531 гг.) поэмы Боярдо добавляет эту отсутствующую [9, т. II, XVI, 11, 4, с. 989] у последнего речевую характеристику жулика в эпизод с царём Аграмантом в Бизерте:

E quel c'ha fatto diceva in calmone [10, т. II, XLV, 14, 4, с. 175].

(и по-кальмонски о том, что сделал, говорил.)

Рисунок 1. Сарацинский великан Моргант и не вполне великан Маргутте

Сарацинский великан Моргант и не вполне великан Маргутте. Репродукция гравюры на титульном листе подборки «Звонарь Моргант и Чарами опутанный Маргутте. Выбранные места из поэмы Луиджи Пульчи», Изд. Франческо Оноффри под знаком Славы, Флоренция, 1638 г.

Центральный персонаж поэмы Луиджи Пульчи (Luigi Pulci; Флоренция, 1432-1484 гг.) «Моргант Великий» (“Morgante Maggiore”, 1461-1483 гг.) – перешедший в христианство сарацинский великан – как оружие использует ставший его отличительным атрибутом колокольный язык (било, клепало; *тайн.* ботало; *battaglio*, *син.* *batacchio*, *batocchio*):

Con un battaglio in man d'una campana... [40, т. I, VI, 15, 1, с. 104]

(с языком колокольным в руке), –

и поэтому получил происходящее из блатного жаргона (*il furbésco*) бурл. прозвище тайн. *Morgante* (< тайн. *la morgana* – колокол; + *-ante* – суффикс причастия наст. вр., досл. звонящий в колокол) Звонарь (уст. Ботарь; ит. *campanaro*, тоск. *campanaio*).

Блатной жаргон (*il furbésco*, тайн. *il contrappunto*) зарегистрирован ранее всего в следующих источниках:

Чекко Анджольери (Cecco Angiolieri; Сиена, ок. 1260 – ок. 1313 гг.) в сонете «Впонраву коль тебе, Беккина, чтоб я помер...» (“*Da po’ t’è ‘n grado, Becchina, ch’ i’ muoia...*”) использовал жаргонизм тайн. *cosco* – дом, семейство [3, с. 14];

Луиджи Пульчи (Luigi Pulci; Флоренция, 1432-1484 гг.), охотно говоривший на старотосканском плутовском тайноречии, полностью на нём составил:

* личное письмо (ок. 1466 г.) к Лоренцо Великолепному о делах аморальных (в т.ч. о малолетних проститутках – тайн. *i rescì*) [38, с. 58-60], так что филолог Франка Аджено (1913-1995 гг.) пишет: «Мы засекаем Луиджи – довольно это забавно – на том, что он приглашает более юного приятеля чуть поразвлечься» [1, с. 85]; и

* 7 октав – автограф Поэта, – которые обнаружены на отдельном листке без заглавия и датировки среди его бумаг в Национальной библиотеке Флоренции, в папочке с надписью E.B.G. 1.25 [38, с. 170-172], имеют схожее с упомянутым письмом содержание и носят характер жаргонно-игрового поэтического экзерсиса; а также

* словарь плутовского тайноречия [38, с. 173-175]. Кроме того,

* в адресованных поэту Маттéo Франко (Matteo Franco, Флоренция, 1448 – Пиза, 1494 гг.) сонетах (ок. 1474-1475 гг.) Луиджи Пульчи вводил блатные жаргонные вкрапления (*intromissione di parole furbesche*), напр.: тайн. *le prospere* (портки); *bistolfo* (священник, мукосей) [39, XXIII, 6, с. 23; 39, XXVI, 1, с. 26];

* в бурлескной поэме «Моргант Великий» (“*Morgante Maggiore*”, 1461- 1483 гг.) центральный персонаж – перешедший в христианство сарацинский великан – как оружие использует ставший его отличительным атрибутом колокольный язык (било, клепало; тайн. *бóтало*; *battaglio*, сун. *batacchio*, *batocchio*):

Con un battaglio in man d’una campana... [40, т. I, VI, 15, 1, с. 104]

(с языком колокольным в руке), – и поэтому получил прозвище тайн. *Morgante* (< тайн. *la morgana* – колокол) Звонарь (уст. Ботарь; ит. *campanaro*);

ср. *suonare qd, suonarle a qd* (отдубасить к.-л.); *suonarla a qd* (надуть к.-л.);

* *ibid.* Ринальдо встречает в лесу босого уroda, который

Ché non portava i zoccol per l’asciutto [40, т. I, V, 40, 4, с. 93]

(ведь, коли посуху, на копытах не ходил).

тайн. *andare in zoccoli per l’asciutto* (досл. на копытах посуху ходить) – быть содомитом. Этот жаргонизм отмечен [40, т. I, с. 99] филологом Пьетро Сермолли (Pietro Sermolli, XIX в.) и допущен Автором, вероятно, для бурлескного эффекта;

* *ibid.* блатной жаргон характеризует аморального недовеликана Маргутте (*Margutte* < араб. *مَرْبُوط* [*marbūṭ*] связанный /ворожейными путами/; пятисекторная поворотная мишень в виде деревянной фигуры сарацина для поражения копьем на рыцарских турнирах /*giostre di quintana*/), в заявлении о своих убеждениях (игра в кости, чревоугодие, выпивки и воровство) среди прочего говорящего:

Non domandar quel ch'io so far d'un dado,
 O fiamma, o traversin, testa o gattuccia,
 O lo spuntone; e va per parentado,
 Chè tutti siam d'un pelo e d'una buccia:
 E forse al camuffare inciampo o bado,
 O non so far la berta o la bertuccia,
 O in furba, o in calca, o in bèstrica mi lodo:
 Io so di questo ogni malizia e frodo [40, т. II, XVIII, 122, с. 25].

(Да не спроси об умениях моих с игральными костями –
 то ль в рикошет, полымя, орёл иль киска
 и в багор, – что от родства идёт,
 у всех у нас одна и шерсть, и шкура;
 неужто, тыря, я промедлю иль запнусь,
 чи передразнивать и троллить не умею,
 дока ли я мазурничать, в прохиндействе, фирах:
 злохитрости и жульничества всяки в этом мне известны.)

тайн. camuffare (красть, тырить); la furba (мазурничанье; бражка, компашка); essere di calca (прохиндействовать); la bèstrica (мошенничество, фира)

Тезео Пини из Урбино (Teseo Pini d'Urbino, род. в сел. Ферминьяно у Урбино, втор. пол. XV в.) – эрудит, меценат, Главный викарий (т.е. первый епископский заместитель) в Фоссомброне, затем в Урбино, в Монтефельтро, в Сполето, а

также Главный викарий архиепископа Флорентийского Ринальдо Орсини, автор открытой в 1935 г. рукописи фтохологического компендиума «Зерцало черретанов, или О происхождении церровороцинских шаромыг и об их надувательствах» (Speculum cerretanorum, seu De cerretanorum origine eorumque fallaciis, 1484-1486 гг.), в котором мы находим самый ранний связный текст (фрагмент) на блатном жаргоне (il furbésco, *тайн.* il contrappunto) – пародийное благословение от Св. Антония во благо овечьего стада:

Le morfisca lo caone, (Схрумкай их Волчище
 per cambio dell'artone, в обмен на мадрó,
 lo caone le morfisca пусть их схавает Волчара!
 et non le scarponisca; В хату чтобы не гоняла!
 et non vedano mai quella valle scura, Дол тот тёмен бы не зрели
 dove non luce la luna, никогда, где Луна не светит
 né ci è gallo, né ciello; ни птицы нет, ни петуха,
 ma solo lo calandrello. встретишь только там зуйка.
 In nome del Padre, Figliuolo Во имя Отца, и Сына,
 et Spirito santo, и Святого духа,

et de Sellano et de Montesanto, и Селлано, и Монтесанто,
 et de Sellano et de Montesanto [35, с. 26-27]. и Седельного, и Свят горы!)

Уст. блатные термины (vocaboli furfantini): morfisce (кушать, хавать, хрумкать); artóne (< о ártoс – хлеб, мадрó); caóne (волк); scarpona (дом, хата). Далее:

- упоминание «ихнего языка» (eorum idiomate), на котором скрытно от присутствующих переговариваются побирушны шельмецы [35, с. 12; 31, с. 9];

- указание на функцию тайноречия: ...eorum idiomate et dictionibus, quibus loquendo utuntur ad fallendum, ut arbitror (Свой язык и выраженья они, как я сужу, используют, дабы, глаголя, обманывать) [35, с. 42];

- тайн. bistuscia: ...et sic, facta bistuscia, idest bulla dispensationis...

(И так, составив дозволенную цидулку – «бисту́ша», – т.е. отпускальную грамоту...) [35, с. 13; 31, с. 9];

- тайн. artipio (хлеб /< о ἄρτος – хлеб; η ἄρτοποίη – хлебопечение/) в толковании группового прозвища нищевродного братства:

Apezentes appellantur a petio, hoc est frusto artipii, id est panis, iuxta eorum linguam (Хлебопросами их называют по выпрашиваемым ими кускам, то есть кусам хлебешника, сиречь хлеба, как это – добавим – на ихнем-то языке) [35, с. 24].

Термин apezentes здесь толкуется через < нар. petium (il pezzo – кусок), а слово тайн. artipio для этимологии не требуется и приведено в целях речевой характеристики именно так (на блатном жаргоне) выражающихся персонажей;

- тайн. morgana (колокол /< нем. Morgen – утро/), тайн. morghigeni (колокольщики) в толковании группового прозвища нищевродного братства:

Morghigeni, dicti sunt a morgana, id est campana secundum idioma cerretanum

(Колокольщики известны как «морганщики» – «моргиджены», – поскольку на жаргоне черретанов morgana означает колокол) [35, с. 39];

- эпизод с кардиналом Домэнико Капрáника, которому

ex his quidam se obtulit, et calmonam iuxta eorum verba, secundum nos, elemosinam, petiit... (один из тех типов повстречался и с ихними иносказательными кальмонскими словесами милостыню, по нашему мнению, попросил...) [35, с. 20];

- кальмонские имена собственные и топонимы:

* Quidam Joannes de Bardalono, iuxta idioma talis gentis, idest de Sellano...

(Некий Джованни из Бардалоно, что на языке такой публики, добавим, значит из Селлано...) [35, с. 14].

тайн. кальм. Bardalono (< bardèlla – использовавшееся в Маремме широкое деревянное седло) – Селлано (< sella – седло), т.е. плутовская (в кальмонском духе) подмена одного слова другим со схожей семантикой.

* Quidam Fatius de Lucastro, hoc est Cerreto... [35, с. 27]

(Некто Фацио из Лукастро, сиречь из Черрето...)

тайн. кальм. Lucastro (< luco – ист. священная роща) – Черрето (cerreto – роща церровых дубов)

* тайн. Salmaria [35, с. 34] – Сполето (Spoleto);

- указание Камерария на владение nostrum primo idioma (в первую очередь, нашим наречием), как на главное требование к нищевродам [35, с. 29; 31, с. 41];

- следующий за текстом «Зеркала черретанов» словарь (137 жаргонных терминов) черретанского тайноречия (idioma cerretanum) XV в.

Антонио Каммелли (он же **Пистойя**, Antonio Cammelli, il Pistoia, Пистойя, 1436 – Феррара, 1502 гг.) – поэт при дворе Герцогов Феррарских Д'Эсте, провозгласивший принцип ренессансного реализма «Твори сонеты обо всём, что видишь!» [12, 35, 1, с. 35], автор 533 «Насмешливых сонетов» (Sonetti faceti, бо́льшая часть которых, согласно филологу Эразмо

Пёркопо /Erasmo Pèrcoro, Неаполь, 1860-1928 гг./, создана в гор. Реджо в 1485-1494 гг. [34, с. 13]) в бурлескном стиле с присутствием политических мотивов; вкрапления из блатного жаргона вводил в манере Буркьелло (rimare alla burchia, al burchiello – шпигование стихов нахватаанными из разных источников элементами), используя для конспирации и свой индивидуальный жаргон (η ιδιόλεκτος, идиолéкт):

Parlo da me per non essere inteso, (Куликую так от себя, чтоб понятым
 perché colui che la ragion governa не быть, а открыто я скажи – стараньями
 a dir il ver faria ch'io sarei preso того, кто суд вершит, меня б схватили.)
 [14, 252, 9-11, с. 252].

Вкрапления из блатного жаргона:

non ho aste ni lancie [12, 1, 2, с. 1] (нет у меня фисташек, хавров нет)
 la sfoiosa va lieve a le bilancie [12, 1, 7, с. 1] (легко лопатка ложится на весы...)
 tu stai ben fresco (Клёво ты влип,
 sendo ne la ducal bolla del emme в град герцогский на букву Г – Милан –
 venuto con il mal di san Francesco притопав с хворью Святого Ассизского
 [14, 1, 9-11, с. 1]. Франциска!)

тайн. aste, lancie (деньги, фисташки, хавры /возм. < ивр. אֲסֵתִים приятели/); sfoiosa (кошелёк, тайн. лопатка); bolla (город)

В двух терцинах [12, 247, 9-14, с. 247] и сонете [12, 254, с. 254] целиком на фене (почти одновременно с тайноречным фрагментом Тезео Пини, если не годами позже) речь идёт о делах сугубо личных, известных Поэту и адресату посланий.

Андреа Микиэли (он же **Голодранец, Оборванец**; Andrea Michieli, Strazzòla, Squarzòla; середина XV в. – 1510 г.) – венецианский поэт в стиле бурлеска, автор ок. 567 сатирических сонетов и страмботто с использованием кальмонского бытового тайноречия (il calmóne) и блатного жаргона [30] на общем фоне венецианского языка; будучи выходцем из принадлежавшей к «среднему классу» семьи (брат Джанджаккомо с 1480 г. в течение 33 лет работал секретарём венецианского Совета Десяти), вследствие безалаберной жизни (азартной игры, растрат на женщин и пьянства) стал должником, преследовался властями и помещался в тюрьмы, хоть и не был уголовником; оказался деклассированным элементом конца XV – нач. XVI вв., примкнув к компании опустившихся оборванцев. Вот как он описывает свой наряд в сонете «Художнику Батисте Оливерии» («A Battista Oliverio pittore»):

Ormai del mio mantel si tien sì poco,
 che se presto d'un altro non provedo
 disfatto i'son del tutto; io me ne avedo;
 converrammi fugir di questo loco.
 De la vesta che ho sotto io non ti toco;
 tu puoi saper com'io sto per il fredo;
 un altro qui in Vinegia esser non credo,
 che stia di me più fitto appresso il foco.
 Batista mio, se mi vedesti il basto!
 L'è tacconato con pezzette tante
 che un cappel turco n'è più duro al tasto.
 Rideresti a vedermi le tirante,

che dove è il culo son tanto stracciate
che a Damian matto appare simigliante:
ma mi mostro bel fante,
e per non scoprire i miei secreti,
lungo mantel mi copre assai difeti [44, с. 35].

(От моего плаща так мало держится уже,
что, коли в скорости другой не раздобыть,
вконец повержен буду, это подмечаю;
уместно б мне отсюдова валить.

Платье под ним затрагивать с тобой не стану,
ты можешь знать, при холодах мне каково,
не думаю, что тут в Венеции иной найдётся,
чтоб грелся у огня чаще меня.

Батиста мой! Ты б посмотрел, шеронка-то
на мне какая! Заплатана вся лоскутками, коих столько,
что и тюрбан турецкий наощупь вовсе не твердей!

Ты б рассмеялся, увидевши мои порты:
где задница – изодраны настолько,
что с теми, кои у Безумного Дамиана, схожи.

На вид я – мóлодец преславный всё же!

И, чтоб свои не приоткрыть секреты,
множество прорух скрывает длинный на мне плащ!)

тайн. il basto (куртка, *тайн.* шеронка); le tirante (порты, *тайн.* шкары, штиры)

Галеотто Дель Карретто (Galeotto del Carretto, Миллэзимо /Лигурия/, ок. 1455 – 1531 гг.) – сын маркиза Савоны, бывшего советником правящей монферратской семьи Палеологов, придворный (камерарий, посланник, проконсул) при дворе маркизов Монферрата и при мантуанских маркизах Гонзага, придворный поэт, комедиограф и автор стихов в жанре потёшек (бельдзеретта, уст. потёшка; belzerétta < фр. bergerette – пастораль; > ит. barzelletta – шутка) для исполнения под музыку. В сонете XIV для очернения своего оппонента и его приятелей наряду с непристойной лексикой ввёл вкрапления (опубликованы без редактирования) из блатного жаргона:

...coi calcagni godi, ... кайфуешь ты с другариками,

Et nel truchar et far be' fiochi et frodi, цáргами своими тыря, на клёвые

Colle tue cerre sé maestro ingordo. вьёмки и прохиндейство мастер

[18, с. 492-493]. ненасытный.

calcagni (приятели, другарики); truccare, fiorire (воровать, тырить, лямзить);

le cerre (руки, цáрги); *тайн.* вьёмка (кража)

Лудовико Ариосто (Ludovico Ariosto; Реджо Эмилия, 1474-1533 гг.)

использовал кальмонский (il calmóne) и блатной (il furbéscó, *тайн.* il contrappunto) жаргоны для языковой характеристики персонажей – слуги Фурба (*тайн.* furba – воровская компания, *тайн.* бражка) и сводника Лукрано (досл. Наживоха), – а также для придания большей эффектности концовкам I и III Актов комедии «Шкатулка» (“Cassaria”, вариант в прозе 1498 г.).

Lucrano. ...Spuleggia de non calarte in solfa per questa marca, che al cordoan si mochi la schioffia.

Furba. Ciffo ribaco il contrapunto.

Lucrano. (Averò cantato in guisa che, se Erofilo è in casa, mi potrà aver sentito)

[19, с. 251].

(Лукрано /или Наживоха/. ...Сгинь, не будь на стрёме в этой фире, пусть лох будет оставлен в дураках.

Фурба /он же Бражка/. Блатмұзыку секу!

Лукрано. /Я, чай, балакал так, ибо Эрóфило, сиди он дома, мог услышать меня./)

Furba. Non gli selasti col furbido in berta?

Lucrano. Trucca de bella al mazo de la lissa, e cantagli se vol calarsi de Brunoro, c'ho il fior in pugno, e comperar vò il mazo [5, с. 267].

(Фурба. Ещё не погрузился с ты́ренным в ширма́не?

Лукрано. Живо греби к хозяину посудыны да ему трекни: свалить в ночи коль хочет, то вольный товар при мне и нанять хозяина желаю.)

moscare (найти, получить); mazo (хозяин); il contrappunto (феня); lissa (корабль); cantare (сказать); calarsi (уезжать); furba (компашка); de Brunoro (ночью); berta (карман, *тайн.* ширма́н); fiore (краденое); truccare (идти, *тайн.* топать)

Развившийся раньше всего в Италии капиталистический уклад охватил всю

Западную Европу в XVI в., ознаменовавшем, как замечают К.Маркс и Ф.Энгельс, начало капиталистической эры [26, т. I, разд. VII, гл. XXIV, 1, с. 743], при которой главная движущая сила производства – охватывающее большинство населения стремление к прибыли в виде присваивания капиталистом части неоплаченного труда наёмных рабочих (т.е. прибавочной стоимости), в чём и выражается эксплуатация трудящихся (преступная эксплуатация человека человеком, паразитизм и спекуляция) со стороны капиталистов. Указывая на преступную сущность капитализма, К.Маркс ссылается [26, т. I, разд. VII, гл. XXIV, 5, с. 788, сноска 250] на журнальную цитату, приведённую публицистом Т. Дж. Даннингом: «Капитал чурается нулевой или незначительной прибыли... 100-процентная делает его готовым попирать все человеческие законы, а при 300-процентной нет преступления, какое бы он посовестился или не рискнул совершить» [17, с. 36]. В то же время наступлением капитализма было вызвано появление массового нищевродства: «...люди, изгнанные вследствие роспуска феодальных дружин и оторванные от земли то и дело повторяющейся, насильственной экспроприацией... массами превращались в нищих, разбойников, бродяг» [26, т. I, разд. VII, гл. XXIV, 3, с. 761-762]. Социально-экономически обусловленные тенденции капиталистического общества к аморальности и преступной деятельности отражаются и в бытующем в нём языке.

Взаимосвязанность блатного менталитета и использования его носителями

плутовского жаргона (ок. 1484 г.) подметил общавшийся на такой фене с Великим Герцогом Тосканским Лоренцо Великолепным (*sic!*) поэт Луиджи Пульчи:

Quel chentra in furba comincia a calmare... (Кто пристанет к блатнэ, закуликает на фене) [38, с. 171].

В своём письме от 4 апреля 1531 г. к поэту и драматургу Пьетро Аретино падуанский студент Алессандро Дзанко (Alessandro Zanco) сообщал:

«Шаромыжный язык теперь в апогее, и об ином не рассуждают» [25, с. 111].

Антонио Брокардо (он же **Алкипп**, Antonio Brocardo, Alcippo /Ἀλκίππος/; возм. Пáдуа, ок. 1500-1531 гг.) – венецианский литератор и поэт – автор трактата «Новый способ разумения жаргонного языка» (*Nuovo modo de intendere la lingua zerga*, 1545 г.), содержащего описание плутовского языка, соответствующий словарь и цельнотайноречные (*uso continuato del furbesco*) – в т.ч. и самого Антонио Брокардо – стихи на венецианском блатном жаргоне и создавшего предпосылки для его восприятия не только как языка жулья и нищевродов, но и

как литературного стилистического средства.

Антонио Брокардо обратил внимание интеллектуалов на феномен плутовского языка, перевёл старовенецианский блатной жаргон в литературное русло (*il furbesco letterario* – используемая в словесности фения), литературно его подработал, стал (в отличие от блатных вкраплений и текстов личного характера, встречавшихся в литературе до его реформы) употреблять в своих цельножаргонных поэтических произведениях, укрепил модное поветрие его использования и в обращённом к своей музе Мариетте Миртилле (*Marietta Mirtilla*) шуточном капитуле терцинами (*il capitolo*) охарактеризовал его функции:

CAPITOLO

Fu da i dragon dei furbi il contrapunto
 trovato sol per canzonar tra loro
 quando truccati sono a estremo punto:
 Come sarebbe se, pescando l'oro,
 5 l'un de i muchi attencasse che 'l pescato
 aluma come à Capri ito, e, il tesoro,
 Et all'altra Maria, che gli è da lato,
 mascasse 'l furbo che compri viole,
 acciò dal osmo non fosse accerrato;
 10 Né danneggia il calcagno come suole,
 che sarebbe di subito sbianchito,
 se rebeccate fosser le parole.
 Col contrapunto anchor prende partito
 l'Apostolo, che in cerra havea l'agresta,
 15 et è sul bello dal schivo assalito:
 Onde l'altro calcagno, che la festa
 lanternava, canzona toglie a dire,
 e così toglie, o, dal camuffo resta.
 O come furbi si senton sbasire
 20 se alluzzano lo schivo o, i zaffarani,
 che gli fan nelle prospere tartire!
 Per le calcose calcheggian lontani:
 chi di rioppo trucca, e chi davanti,
 e chi danneggia coi ginaldi alani.
 25 Come se la ganiera agli ruspanti

si raffondasse, onde le poverelle
volasser per lo losco in tutti i canti;
O come le sbaside bavordelle,
che se tal'hora il bronio abbalcaranno,
30 nel ruffo truccherà con la lor pelle.
Dal contrapunto miracoli faranno
i furbi invero, ed è, di cotal forza,
che in mille modi te canzonaranno.
Per non essere sbianchito ogn'uom si sforza,
35 onde canzonaremo in saio, o cappa
"il tappo", "il manto", "il san Pietro" o "la scorza".
L'un e l'altro dirà "la scorza acchiappa"
e se la scorza è bianca, et egli a casa
con il san Pietro ti canzona o frappa.
40 E così i carpion truccan di rasa,
e acciò la rasa sia di bruna e tenga,
il contrapunto si muta e travasa.
O di Simon carnifica fratenga,
di questo ruffo di sant'alto abbalchi
45 spiga più di campagna, o, maggiorenga,
Se aggrestate vostriso, come i balchi
tutto quel, che nel fusto a gli osmi stanza,
non è chi contra voi movesse i calchi.
Tal contrapunto non vi dà baldanza,
50 che se grancite il cuore alle persone,
vi rifondeno insieme quel ch'avanza.
Non conviene mutar zergo o sermone,
anzi carpiti, e fati che i carpiti
stanzano di Beltramo, nel giuppone.
55 Tassare gli Suriani, et osmi arditi
lanternasi per voi col guinzo al guindo,
senza ongie, senza cuo tutti sbasiti.
Però, dolce carnifica, s'io rido
quando il calmon de' furbi richiedete
60 contra de monarca alzate il grido,
E perché senza furbi voi potrete
refondere e carpir solo col berlo,
non d'altro zergo alcun bisogno avete.
Pur poi ch'anchor desiate vederlo,
65 tutto refus' in queste breviose
di propria cerra mia potrete averlo:
Dove ch'abbalcarete quante cose
canzonò mai vergara e pavanello

cavazzuti dragon, Marie famose.

70 Rifondere anco vi volea con quello

per dimostrarvi chel vostro è migliore

l'amorevol perpetua di monello;

Né la ritrova perché tratta fuore

di me l'avete, e col carniero istesso

75 ita sete di ponte levatore.

Ma perdono a vostriso il dur eccesso,

tanto che in dietro più non la torrei,

pur che Falcona, ella vi stanzi appresso

Fin che la magra truccarà per lei. [11, с. C4-2 – C5-1 – C5-2]

(КАПИТУЛ

из шуточных терцин

Блатмузыку создали у́шлые урка́ны

лишь с тем, чтоб меж собой петю́кать,

когда над ними тонкая хевре́ня нависает,

как, например, бобу́ли когда ты́рят

5 и кёря ды́бает, что ты́рбень трёкнулся: спёрто

его сокровище, на Хватал-остров Капри унеслось, –

тогда второму, что там рядом, он мига́ет:

«Линяй, купить фиалок то́пай», –

чтобы скачэ́шника не подкру́тили.

10 Чувак это не вы́кает обычным языком:

ведь, будь уло́влены словя́ги,

жуко́в бы колону́ли тут же.

Подфартит блатму́зыка и свояку́

с балаба́нами почти в граблю́хах, но вот те на:

15 капитан стражников с уликами его засёк!

тогда другой кента́рик, что на стрёме, щебе́щет,

кули́кая по-свойски, и урка́ч может унести́сь

тем временем или от кражи отказаться.

Ах, до чего же бздя́т мазу́рики,

20 уды́бив стражников иль капитана:

и впрямь готовы обосра́ться в шти́ры!

Куда подальше рвут по топталовкам болты́,

кто ва́ндает назад, а кто – впе́рёд хиля́ет,

да кто-то станет с га́вками – догами немецкими – басю́кать;

25 словно зверки́-бедняжки, по всем

углам хаты разлетелись,

когда на них лиса напала,

иль как верчи́нки, в какой-то миг зау́хлившие волка

и так перебздевшие, что готовы

30 ринутся хоть и в морга́с вместе со шкурой.

Без балды́: чудеса скачешники творят,
бо́тая по фёне, у коей есть такая сила,
что станут на тысячу ладов перед тобой кули́кать.
Стараясь оставаться нераскрытым,
35 всяк станет называть кафтан иль тёплый плащ
«ше́льмой», «халами́дой», «накида́лицем» или «Святым Петром».
Сиречь один другому зю́кнет: «Халами́ду тырь!»
А окажись понятной «халами́да», он в безопасности
каля́кнет, или вы́кнет: «Петра Святого ха́пай!»
40 Так цы́гори крутят луну́,
а чтоб узоры были шиты-крыты и действенность казали,
фёню изменяют и преобразуют.
Ах, сестра моя драгая! Из кра́лей тех,
что ды́баёт Болдёха – Моргáс Всевышнего,
45 Вы – первейшее соцветие на ниве!
Увидь Вы зёньками своими самоё нутро людей –
всё, что в них сты́чит, – тот, кто подваливает к Вам,
не тем окажется, кем внешне мнится!
Когда Вы у людей тибрите сердца,
50 они Вам де́кают и остальное всё,
но не язык афеньский ухарства Вам даёт.
Речь иль жаргон менять Вам не пристало,
наоборот: стира́йте и чарду́йте, стараясь, чтобы
стрёльну́тые седьмовáли в ломба́рде у Бельтраме!
55 С удавкой на шее оказаться из-за Вас,
перебздевшими, утратившими бу́ркалы и дух –
вот удел стражников и дерзких мужиков.
Так что, сестрица милая, коль мне смешно,
когда Вы просите блатму́зыку растолковать,
60 мне же упрёки предъявляя,
то это потому, что съю́хтить и ди́кнуть
и без фёни одним Вашим ликом Вы способны
и в тайноречии ином у Вас нет нужды!
Ну, а уж коли с фёнькой каны́ желаете водить,
65 то можете на ять о ней узнать
из ца́пками моими сих писанных листочков,
на коих уды́баёте всего навалом,
что когда-либо кы́ркали и письменно, и устно
мастера-фонари́сты и прохиндеев короли.
70 Хотел бы заодно
(чтоб показать, что Ваша музыка-то клёвей)
влюблённую мою Вам душу подогна́ть;
сыскать её вот только мас не в силах:

с мешком добыточным стрелять пустившись,
75 её Вы вырвали из тела моего!

Крайнюю сию жестокость однако Вам прощаю,
да и душу назад бы уж не жукнул,
пусть будет служанкою при Вас,
пока Курносая её не ставчит!

Как видим, на горьком опыте познавший тему Поэт утверждает, что плутовское тайноречие служит блатным, честным людям не нужно и, кто в нём

не разбирается, ничего не потерял. Более литературный вариант перевода:

КАПИ́ТУЛ

из шуточных терцин

Речь плутовскую создали мудрецы от жулья
лишь с тем, чтоб меж собой калякать,
когда над ними грозная опасность нависает,
как, например, если воруют бабки

5 и сообщник видит, что обираемый заметил: спёрли
его сокровище, оно на Хватал-остров Капри упорхнуло, –
тогда второму, что там рядом, он говорит:

«Линяй, вали купить фиалок», –
чтоб татя не схватили.

10 Сообщник это не буркнет обычным языком:
ведь, будь слова понятны,
жуликов раскрыли б тут же.

Дружка с деньгами почти уже в руках,
когого капитан стражников с уликами заметил,

15 тоже фёня выручает,
когда другой приятель, что на стрёме,
заводит речь и рассужденья, и вор скрыться может
тем временем либо от кражи отказаться.

О, такой страх испытывают воры,

20 завидев стражников иль капитана,
что впрямь в штаны наложат!

Куда подальше текут по дорогам,
кто драпает назад, другой – вперёд, а кто-то
затекает с псами – догами немецкими – беседу;

25 словно бедняжки куры по всем
углам дома разлетелись,
когда на них лиса напала,

иль как овечки, в какой-то миг увидевшие волка
и перепуганные до того, что вместе со своим руном
30 готовы ринуться – да хоть бы и в полымя!

Ей-ей, чудеса жулики творят

посредством жаргона плутовского, у коего такая мощь,

что на тысячу ладов станут пред тобой балакать.
Всякий, стараясь остаться нераскрытым,
35 кафтан иль тёплый плащ станет называть
«накидкой», «затычкой», «Святым Петром» иль «кожурой».
Сиречь один другому скажет: «Тырь кожuru!»
А будь «кожура» понятна, он в безопасности
каля́кнет, или скажет: «Петра Святого хáпай!»
40 И так обман мазурики творят,
а чтоб он скрытым был и действенность являл,
фэню преобразуют, изменяют.
Ах, сестра моя драгая! Изо всех, кто зримы
Солнцем – Огнём Всевышнего, – Вы,
45 Сударыня, – первейшее соцветие на ниве!
Прозрей Вы, как очами, нутро людей –
всё, что в них есть, к Вам стопы направляющий
не тем окажется, кем внешне мнится.
Когда у людей Вы похищаете сердца,
50 они отдадут Вам и всё остальное,
но не блатной жаргон ухарство сообщает Вам.
Вам не пристало речь свою или жаргон менять,
наоборот: похищайте, стараясь, чтобы
обокраденные в узилище сидели у Бельтраме!
55 С удавкой на шее оказаться из-за Вас,
полными страха, утратившими дух и очи –
вот удел стражников и дерзких мужиков.
Так что, сестрица милая, если мне смешно,
когда просите раскрыть блатной жаргон,
60 мне же упрёки предъявляя,
то это потому, что и без фэни Вы способны
лишь Вашим ликом и похищать, и даровать
и нет в тайноречии ином у Вас нужды!
Ну, а коль с языком тем тайным желаете
65 знакомство завести, то в полной мере о нём
можете узнать из этих мною писанных листочков,
на коих прорву увидите всего,
что выражали знаменитые плуты и мастера
обмана когда-либо и письменно, и устно.
70 Хотел бы заодно
(чтоб показать, что Ваш язык-то – лучше!)
послать Вам душу влюблённую мою,
вот только не могу её сыскать: с мешком
добыточным пустившись воровать, её Вы
75 вырвали из моего нутра!

Крайнюю сию жестокость однако Вам прощаю,
да и душу назад уже бы не забрал,
пусть будет служанкою при Вас,
пока Костлявая её не загребёт!)

Поэтика Антонио Броккардо, характеризующаяся реализмом и народностью с коренным изменением (реформированием) восприятия бытовавшего в контексте венецианского языка плутовского тайноречия и приданием ему роли литературного художественного средства и поэтического языка, формировалась в феодально раздробленной и лишённой единого политического центра Италии первой трети XVI в., в обстановке дискуссий о литературной языковой норме, вызванных развитием книгопечатания, ренессансной охотой за манускриптами, упрочнением роли народного (*il volgare* – в противоположность латыни) языка и публикацией

в 1529 г. (вновь открытого филологом Джан Джорджо Триссино) трактата Данте Алигьери «О народном красноречии» (*De vulgari eloquentia*, 1303 – 1305 гг.):

- различные источники языкового обогащения допускали сторонники стихийно – как средство общения (*lingua veicolare*) – складывавшихся при дворах феодалов и Папского государства вариантов общеупотребительного придворного койнэ (*lat. vulgare curiale*, *ит. lingua cortigiana*, *досл. придворный язык*):

* Винченцо Колли (он же Калмета, *Vincenzo Còlli /il Calméta/*, ок. 1460 – 1508 гг.), первый теоретик придворного языка, придумавший этот термин и замышлявший литературную норму на основе римского койнэ Папского двора);

* Джан Джорджо Триссино (*Gian Giorgio Trissino*, 1478 – 1550 гг.) – за общий для Италии придворный язык на базе современного узуса и литературной традиции;

* Анджело Колоччи (*Angelo Colocci*, 1474 – 1544 гг.) в общейталийском языке допускал заимствования из различных диалектов;

* Марио Д'Алвито (он же Эквикола, *Mario D'Alvito /Equicola/*, 1470 – 1525 гг.);

* Джованни Филотэо Акиллини (*Giovanni Filoteo Achillini*, 1466 – 1538 гг.) предлагал литературную норму на базе болонского диалекта; и

* Балдасарре Кастильоне (*Baldassarre Castiglione*, 1478 – 1529 гг.), у которого в трактате «Придворный» (*Il Cortegiano*, вторая ред. 1521 г.) Лудовико Каносса (*Ludovico di Canossa*, 1475 – 1532 гг.) замечает:

«...думаю, позволительно нам заимствовать всякого рода италийские слова и выражения..., привычные однако же в общеупотребительной речи» [14, с. 44];

- ориентирующуюся на тогдашний флорентийский диалект языковую норму (*fiorentinità*) предлагали

* Никколо Макиавелли (*Niccolò Macchiavelli*, 1469 – 1527 гг.),

* Алессандро Пацци де' Медичи (*Alessandro Pazzi de' Medici*, 1483 – 1530 гг.),

* Клаудио Толомей (*Claudio Tolomei*, 1492 – 1556 гг.; ратовал за литературную норму на основе тосканского языка);

- выходец из патрицианской венецианской семьи (сын сенатора) Пьетро Бембо (*Pietro Bembo*, 1470 – 1547 гг.; номенклатурные должности: в 1513 г. назначен знавшим его лично Львом X на пост ответственного за официальные папские документы */datario dei brevi/*; с 1530 г. официальный историограф Венецианской аристократической республики и /до

1543 г./ книгохранитель Библиотеки Св.Марка; с 1539 г. кардинал), в 30-40-х гг. XVI в. с установлением своей, согласно филологу Франке Аджено, «бембовской диктатуры» [2, с. 296] став «законодателем поэтического языка» [2, с. 291], пропагандировал архаичную флорентийскую литературную норму XIV в., придерживаясь выработанных им к ок. 1512 г.

анахроничных субъективистских теоцентричных и элитаристских принципов:

* в Боге существует божественная идея абсолютно совершенной письменной нормы (*recte scribendi spetiem*), к которой надо стремиться [27, с. X-2];

* письменный язык не должен сближаться с разговорным [6, I, XVIII, с. 118];

* литература предназначается в первую очередь для интеллектуальной элиты [27, I, XVIII, с. 120-121];

* подражать (овладев соответствующим стилем и художественными средствами) следует единому образцу с ориентацией (для прозы) на произведения Джованни Боккаччо (1313 – 1375 гг.) и (для поэзии) на сочинения Франческо Петрарки (1304 – 1374 гг.) [6, I, XIX, с. 122]. Догму о едином литературном образце – стиле Цицерона для латыни – отстаивали Пáоло Кортези (Paolo Cortesi, 1465 – 1510 гг.) в полемике 1490 г. против поэта Аньоло Амброджини (он же Полициано; Agnolo Ambrogini, il Poliziano, 1454 – 1494 гг.) и Пьетро Бембо в 1512 г. – против Джован Франческо Пико делла Мирáндоло (Giovanni Francesco Pico della Mirandola, 1469 – 1533 гг.; племянник легендарного феноменальной учёностью и памятью философа и полигíстора Джованни Пико делла Мирáндоло /1463 – 1494 гг./) и с юморком в пух и прах разбил Эразм Роттердамский, еретические протестантские взгляды которого с утверждением принципа свободного художественного выбора и стилистической свободы:

Etenim qui sequitur, alienis ingreditur vestigiis, & servit præsripto [18, с. 226].

(Ибо если кто следом идёт, то по следам чьим-то ступает и перед предписанным рабствует),–

шли вразрез с проникнутыми духовной несвободой идеологическими

установками католического теократического Папского государства, тогда как

созвучная им статичная лингвистическая концепция кардинала-догматика Пьетро Бембо, доработанная его учеником Бенедетто Варки (Benedetto Varchi, 1503 – 1565 гг.), стала реализовываться в силу Контрреформации (запущенной Тридентским Собором в 1545 г.) и деятельности филолога Лионардо Салвиати (он же Обмучнённый, Lionardo Salviati, l'Infarinato, 1539 – 1589 гг.) с единомышленниками (*la brigata dei Crusconi*), задавших основанной по их инициативе во Флоренции в 1583 г. Академии Плевел Словесных (*Accademia della Crusca*) пуристское направление с равнением на классиков, что, отразившись на составленном (первое изд. 1612 г.) её академиками фундаментальном толковом Словаре, явилось на веки вперёд затормаживающим фактором в развитии живого итальянского языка, вместе с псевдоэстетизмом придавая ему черты искусственности и архаичности. Церковное красноречие конформистски преобразовал христианский католический пропагандист Франческо Панигарола (Francesco Panigarola, Милан, 1548 – 1594 гг.), который занимался проповеднической деятельностью в контакте с реакционным деятелем Контрреформации Карло Борромео (Carlo Borromeo, 1538 – 1584 гг.), отталкивался от принципов Пьетро Бембо и Бенедетто Варки (норма на основании языка XIV в.

и флорентийского диалекта, но с большей открытостью к новизне) и опирался на высказывание Лионардо Салвиати о том, что «подражать надобно языку века нашего», причём проповедник «пусть гнушается и слов, и выражений, коих сами флорентийцы в серьёзной прозе не приемлют, сиречь крестьянских, простонародных, похабных или непристойных и поэтических» [33, с. 21].

Жаргон ускоряет обновление языка и, согласно лингвисту Анне Жансан (Anne Gensane), «становится способом говорить о мире иначе, в соответствии со своими знаниями и умениями, своей творческой установкой, своим поиском человеческой солидарности и своей волей освободиться от господствующих условностей» [22]. Плутовским тайноречием в стилистических целях пользовался целый ряд авторов.

Пьетро Аретино (Pietro Aretino; Ареццо, 1492-1556 гг.) знал о бытовании плутовского жаргона, использовал его как стилистическое средство в своих комедиях и «Рассуждениях», относясь к нему скептически и считая, что пользоваться им пристало шантрапе. Так, в его «Рассуждении третьем» (1534 г.)

плутоватая бабёнка Нанна своей собеседнице замечает:

Hora non ti conto le cose minute con le astrusiette, con le quali pelava altrui, senza che mi si vedessero le mani, & usava il gergo per mezzano, tosto che veniva a me qualche bue; e non intendendo cio che volesse dire monello, balchi, dughì, e trucca per la calcosa, erano assassinati, come un villano dal parlar per lettera de dottori. E certamente il parlar furfantesco è degno da furfanti, perche per sua colpa si fanno mille furfanterie [4, с. 169].

(Ну, не стану в мелочах тебе сказывать о хитриночках, с коими людей я обчищала, а, как руки к тому прикладывала, оставалось незаметным, да в сводни себе феню брала, сколь скоро попадались мне какие-то бараны, кои, не разумея, что означает «ваша я бесовка», «буркалы», «бабки» и «шкулять по топталовке», оказывались наповал сражёнными, словно деревенщина – учёными речами докторов наук. Жулью впору на блатном языке жуликов калякать, поскольку по его вине тыщи жульнических дел вершатся!)

Использованные здесь *уст.* плутовские жаргонизмы (gergalismi furbeschi):

monello (я, ваша я бесовка /подруга/); dughì (монеты скудо, хавры, бабки);

truccà per la calcosa (бродяжничать, *тайн.* шкулять по топталовке, мандровать); balchi (глаза, смотрелки, буркалы).

Франческо Берни (Francesco Berni; Лампорёккьо /Тоскана/, 1497-1535 гг.; бурлескный поэт) был осведомлён о бытовании плутовского тайноречия, упоминает его (la lingua furba) в своём капитуле «К господам Абатам» и в контексте литературного тосканского языка для эффекта двусмысленности употребляет глагол

canzonare 1. подтрунивать, насмехаться 2. *тайн.* трёкнуть, хрюкнуть (сказать):

Chi è colui, che di voi non ragioni? (Да кто ж о вас не рассуждает?

Che di virtù delle vostre maniere, О качествах ваших манер, на фене

Per dirlo in lingua furba, non canzoni? скажем, кто ж не хрюкнет?)

[32, XIX, 105–107, с. 103]

Анджело Беблко (он же **Руцанте** /досл. Резвун/; Angelo Beolco, Ruzante; Пáдуя, ок. 1496-1542 гг.) в своей комедии «Пъованка» (или Девушка из Пъованской округи /il Piovato – territorio del Piove di Sacco; земли у сел. Пъове-ди-Сакко в провинции Пáдуя/, “La Piovana”,

ок. 1532 г., III, 3, «Гарбуйо, Трактирщик и Злавéро») вывел сводника Злавéро (ruffian Slavery), который использует плутовской жаргон в общем контексте диалогов на бытовавшем в сельской округе Пáдуи (el contado de Padoa)

старопадуанском (el Vèneto pavan; XIV-XVII вв.) варианте венецианского языка.

Джован Франческо Феррари (Giovanni Francesco Ferrari; Мóдена, XVI в. –

Реджо Эмилия, 1588 г.) в своей бурлескной поэзии использовал в качестве стилистических средств мóденский, падуанский, мантуанский, бергамский, неаполитанский диалекты, тосканско-римское литературное койнэ (il vernéscio), «макаронический» испанский язык (le semispagnolate – «полуиспанские» вирши, полуиспанщина) и – в 3 стихотворениях – плутовское тайноречие, которое у него носит приблизительный и искусственный характер и в условиях контрреформаторской цензуры служит для скрытия сатирических мотивов. Послание Горация (I, 5) с приглашением Манлию Торквату в вольном переложении на блатном жаргоне – «Пятое послание Горация на жаргоне воровской шайки» (La Quinta

pistola d'Horatio in cifra di campo di fiore) – звучит с первых терцин бурлескно:

Dragon fratengo s'una maiorana
Vi da 'l cor, di morfire onninamente
A verdumi, e in patenti a la nostrana,
Vostriso a la miglior può ontamente
Burchiar, perche Simon starà sperando
Con Spagnuoli, ruspanti, & altra gente.
Scambioso senza vetta andrem stibiando,
Et se ben Greco non sà canzonare
Come quel del pistolfo de l'Orlando;
Basta l'alzana si lasci tirare,
Et segni a i mazzi et dia ne la borella,
E in cotognato ne faccia truccare [20, XXXII, 1-12, с. 69].

(Файный Чудачок, коль как-то с утреца

угодно будет Вам на всю железку
пошамать зелени и блюд домашних,

ко мне можете запроста киять:

мас будет ждать Вас с голубями,

цыплятами и с прочими харчами.

Вино без воды будем киять,

и, хоть не бóтает оно по-грецки,

как то, что у Роландова монаха,

но клёво тем, что позволяет погудеть,

в репу и ноги отдаёт, дурмáнит,

загоняя в айвовый мармелад.)

dragon (учёный, *тайн.* чудачок); stibiare (пить, *тайн.* киять); maiorana (утро);

tirar l'alzana (пить, *тайн.* погудеть); burchiar (скакать /на лошади/, *тайн.* киять);

borella (голова, *тайн.* репа); scambioso (вино, *тайн.* гóнорь); Simon (я, *тайн.* мас)

Баттиста Гуарини (Battista Guarini, Феррара, 1538-1612 гг.) в комедии «Хворая водяной» (L'Idropica, 1584 г.) использует термины плутовского жаргона,

в т.ч.: cordovano (лопух, простофиля); cosco (дом, хата); banda sbasita (охмырение, обман); grimo (старик, бабай) [24, III, 10, с. 56-II].

Бартоломео Боккини (сценическое имя **Дзан Муцци́на**; Bartolomeo Bocchini, Zan Muzzina < il torrente Muzza – поток Муцца вблизи его жилища в сел. Сант'Агата у Болонии / Sant'Agata Bolognese/, 1604 – 1648/53 гг.) – художник, изображавший нищих, попрошаек и шарлатанов; солдат в Риме и затем актёр и стихотворец в жанре Ванькиных сетований (le Zagnarie; индив. Zagno m, Zagna f < вен. Zanni /Giovanni, Gianni, Ванька/ – традиционный для комедии в масках /Commedia dell'arte/ персонаж слуги) в Венеции. В Жаргонном диалоге убийц с большой дороги Скатарелло и Кампаньоло (Dialogo in furbesco tra Scatarello e Campagnolo assassini di strada) во второй части Макаронического венца (Corona mascheronica, Seconda parte; написание позже 1635 г.) использовал для речевой характеристики персонажей блатные вкрапления на фоне венецианского языка. Из разговора бандита Скатарелло (он же Харкун) с беглым солдатом Сарделетто (Худосочным):

Scatarello Скатарелло

Dove se v'è formiga? Куда киляем, пехтура? Стой!

Ferma: che ti è sbasio, se ti te mov; Дёрнешься – и ты тепляк!

E fa, che no habbia briga Да постарайся, чтоб мне не было

Con la tiretta de far altre prov; мороки пальбой другие аргументы

Spogiate zò quei pagni, приводить, шмотки стаскивай

Lassa el trottante; e refila i lugagni. с себя, лошадку брось и сдай башли!

Sardeletto Soldato scappato

Сарделетто, беглый солдат

Deh calcagni honoradi, Эх, другарики почтенные, мало

Ghe poco da inaraffarve con munell, чего нахапать-то с меня: голь,

Che do lustri passadi намедни аж два дня

Son stado senza dar in castell; как хобот нечем расчесать,

El mio gargozzo dorme, и глотка дрыхнет,

Per no haver tanto da saziar le forme. раз насытить топку нечем!

Habbiè misericordia Милосердны будьте

A un pover diavol tratto a mal parti, к бедолаге, что в передрягу влип!

Che de bona concordia Глубокó согласным

Vegnerò con vostr' odano anca mi, с Вашей Милостью пойду

A far in altra banda в инакие места я за добычей,

Qualche bottin se 'l coverchion cel manda. коль Небеса её пошлют.

Le stelle mie nemighe Враждебные мне Звёзды

M'han tratto sotto un'osmo sì forfant такому подчинили меня вору –

D'un cimier de formighe, командиру херовому пехоты, –

Che trattegne la paga a ogni calcant. что плату зажимал всем корешам.

E per fornir le fole, И для раздува мехов кузнечных

G'ho alzado el burchio, e compro le viole. спёр я конягу и теперича в бегах.

Si, che l'è mei frà tanto Верняк, нам сговориться сейчас

A concertarce, e far qualche cason, лучше и строить фиры, налёты

Zonzer de bruna alquanto, в ночи, приодеться от фраера

E col favazzo hà incadenà el moscon, какого-то, Жирный ему четверг
 Darghe la Zioba grassa. устроить с великим опосля постом,
 Levandoghe la Luna de la cassa из сундука его лепёшку тыря!

[35, с. 264-265].

Согласно пьемонтскому филологу Родольфо Реньё (Rodolfo Renier, Тревизо, 1857 – 1915 гг.), «в действительности, это произведение лишь чуть обёрнуто жаргоном, а остов его – итальянский, раскрашенный диалектными формами» [42, с. 24].

Джованни Андреа Монилья (Giovanni Andrea Moniglia; Флоренция, 1625-1700 гг.) – выпускник Пизанского университета в 1645 г. с дипломом по медицине и философии, виднейший драматург при флорентийском великогерцогском дворе Мёдици, автор текстов для многочисленных музыкальных комедий, драм в венецианском стиле и театральных праздников; с

1667 г. член Академии Плевел Словесных (Accademia della Crusca).

Тайноречие служит опознавательным кодом в криминальной среде, и в комедии «Староста села Колоньоле» (Il Potestà di Colognole; первое представление: Флоренция, 1657 г.) при встрече двух не знакомых друг с другом жуликов происходит диалог:

Bruscolo. Tentare 'l voglio; **Бру́сколо** /Соринка/. Хочу его пощупать.

Buon lustro calcagno. Фарту, масти, корефан!

Moro. È di calca anco quello. **Моро** /Мавр/. Блаты́ га и он тоже.

Buono specchio, e buon drago. Аллюр, другарик! И доброго Вам года!

Bruscolo. Risponde a tuono; adesso **Бру́сколо.** Зюкает в лыко. Сейчас-то – sì son pago, ha vostrigi smorfito? да, доволен я. Пошамали уже?

Moro. Sol per mettere in fusto **Моро.** Чтобы пробавиться

Con la smorfia gridavo. хоть чем-то: вопил я с голодухи.

Bruscolo. Per trappolare è bravo; **Бру́сколо.** Чтоб тырить, он дока.

tien lugagni? А пёнзы есть?

Moro. Del giannicolo è in berta. **Моро.** В ширмóхе ветерок холодный.

Bruscolo. Te la devo dire aperta, **Бру́сколо.** Должон тебе сказать открыто:

Hai trovato riscontro; io son ruffante. Ты напарника себе нашёл. Я – мазурик!

Moro. Io ti farò costante. **Моро.** Тебе я верен буду!

Bruscolo. A me sei caro **Бру́сколо.** Мне ты братан!

Per i miei finti incanti Для заволаживаний ложных,

Quest' è squisito raro, что творю, потрясная ты редкость!

Seguimi dunque, e senti За мною, значит, следуй! И секи:

La prima lezioncina урочик первый назидает жить

Insegna solo il viver di rapina [28, III, 3, с. 54]. только грабежом!)

Карло Гольдони (Carlo Goldoni; Венеция, 1707-1793 гг.), используя в своём творчестве венецианский язык и традицию комедии в масках (Commedia dell'arte), допустил венецианские тайноречные вкрапления, напр. в комедии «Два близнеца венецианских» (I Due gemelli veneziani, II, IV /1747 г.):

вен. тайн. esser de bala (/досл. вместе танцевать/ быть в сговоре, спеться)

[23, с. 121], *вен. тайн.* lumà (увидеть, бачить, зырить) [23, с. 123].

Карл'Антонио Танци (Милан, 1710-1762 гг.) на фоне старомиланского

диалекта использовал миланский блатной жаргон, напр. в «Диалоге на миланском и воровском наречии между Глоткорезом Сканефа и Лодырем Габётом» (Dialegh in lengua furbesca e milanese tra Scaneffa e Gabœutt), когда, убеждая Лодыря (мил. gabœutt – ленивец, лодырь) присоединиться к банде, Сканефа (< мил. scannà

el faa – режет глотку) среди прочего говорит:

Del rest l'è inscì, Gabœutt, infinattant (Как ни крути, Лодырь Габёт, пока
Che no te trarree a l'ari con la somma к шарашке не пристанешь мазуриков
O coi scarpuzzador de la correnta, или убийц с большой дороги,
Te saree sempr' in tocch; no t'avaree вечно будешь без башлей, и чутка
Mai quatter rènn adoss. грошей при тебе не будет никогда.
De bernarda e de luster Придётся днём, и ночью то просить
Te dovaree andà a battela иль ошиваться на похоронах,
o ai sballaa de pataffia, чтоб только воску, капающего
Tant per fa piang la tosa, со столповых свечей, пособирать,
O a l'introibo di farfer a fatt dà то подле дверей монахов
I fopp de galba. [37, с. 355] миску себе просить похлёбки.)

Уст. мил. жаргонизмы: la somma (бражка, шарашка, банда); el luster (день); la correnta (топталовка, дорога); i farfer (монахи); la rèppa (лира ценой в 20 сольдо); la galba (похлёбка); la bernarda (ночь).

В ИСПАНИИ с конца Средневековья в низших социальных слоях (в тюрьмах и т.п.) складывался, достигнув расцвета к середине XVII в., **фольклорный жанр блатного романа** на братковом жаргоне хермания (катал. жермэниэ, la germanía – братство < germà – брат). В народном романсе «Жулик» (“Bayle”, 256 строк), напр., поётся о блатняге от его рождения до бездоказательного обвинения:

En la Ciudad Toledo, В городе Толедо,
donde flor de Bayles son, где посалóвья стычит жулья,
nacido nos ha un Baylico, родился у нас воришка,
nacido nos ha un Baylón; ворюга родился у нас:
jugador de media espada, резвун со шпажным обрезом,
de sobaco aliviador; готовый угáмать припóль,
hijo es de un Mesonero сынишка трактирщика
muy perverso en condición... с очень злосчастной судьбой...
La sentencia del Baylico, Приговор бандитёнку,
la sentencia del Baylón: бандюге приговор:
es que muera en Basilea оставшись под мордóхой,
donde quede puesto al Sol [43, с. 7, 16]. на вёшалке ему помереть.

тайн. стычит посалóвья (есть много чего-то), угáмать припóль (скрыть переданное краденое), мордóха (солнце), вёшалка (виселица)

Диего Уртадо де Мендоса (Diego Hurtado de Mendoza, Гранада, 1503-1575 гг.) –

аристократ, придворный, дипломат, поэт и кардинал (с 1542 г.), у которого в изданном анонимно (в силу антиклерикального содержания) пикареском романе «Жизнь Ласарильо с Тормеса, о препонах и о его в ней удачах» (*La Vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades*, 1554 г.) главный герой – плутишка Лазарёнок, водивший нищего слепого, – упоминает:

«...за малую малость деньков он преподал мне нищевородный жаргонец геригонса» [47, с. 91].

исп. *gerigonza* (< окс. *gergoun*, *jargoun* – жаргон, *argó*) жаргонец, жаргонуха
Французский лексикограф-испанист Сезар Удэн (*César Oudin*, ок. 1560 – 1625 гг.):
gerigonça largon des aveugles & des Égyptiens, langage narquois [32, с. 524].
(Жаргон слепых и цыган, блатной язык.)

В последующие века кружевной жаргонец геригонса основывается на намеренном – для конспирации – искажении (замене, вставках) слогов в словах.

Франсиско де Кеведо Вильегас (*Francisco de Quevedo Villegas*; Мадрид, 1580-1645 гг.; барочный прозаик и поэт):

- в плутовском фтохологическом романе «История жизни Прожжённого проходимца по имени Дон Паблос, примера бродяг и зеркала побирох» (*Francisco de Quevedo, Historia de la vida del Buscón, llamado don Pablos; ejemplo de vagamundos y espejo de tacaños*. Написание в 1606 – 1609 гг., первое издание в 1626 г.) свидетельствует о бытовании браткового нищенского жаргона херманья (*la germanía*), на котором,

как, напр., замечает Паблос, в Мадриде с одним жуликом гуторил дон Торйбио:

«...покалякали друг с другом на братковом жаргоне...» [41, с. 147]

- использовал братковый блатной жаргон херманья в куплетах отверженных

(ха́кара, хакари́лья; всего ок. 20 произведений; см. напр. ха́кара «Эскаррамáн» /*Carta del Escarramán a la Méndez*/, 1612 г.) к интермедиям.

исп. *jácara*, *jacarilla* (< араб. حَقَارَة [*ḥaḳāra*] презренность; презренные (люди); حَقَرَاء [*ḥuḳarāʿ*] презренные /люди/, отверженные) – бытующий в рамках бурлескной поэзии поджанр сатирических блатных романсов (*romances de germanía*) на братковом жаргоне с персонажами из нищевородного и блатарского мира.

Мигель де Сервантес Сааведра (*Miguel de Cervantes Saavedra*, Алька́ла-де-Энарес, 1547 – Мадрид, 1616 гг.) в эпизоде с конвоируемым на галерные работы заключённым, напр., в романе «Дон Кихот Ламанчский» (1605 г.) использует термины браткового блатного жаргона херманья: *la gupara* [16, с. 177] (< араб. 1 غُرَاب. ворон 2. ист. парусно-гребное судно/галера; ишачение на галерах); *cantar en el ansia* [16, с. 178] (признаться под пыткой); *el corredor de oreja* [16, с. 179] (сводник).

Во Франции

Жан Бодель из Арраса (*Jehan Bodel d'Arras*, Арра́с, ок. 1165-1210 гг.) – пикардийский минестрель, автор – среди прочего – «Игры о Святом Николае» (*Le Jeu de Saint Nicolas*) с арготическими репликами воров в таверне (разд. XXX).

Франсуа Вийон (при рождении Франсуа де Монкорбье; François Villon, François de Montcorbier, 1431 – ок. 1463 гг.) одним из первых в Западной Европе использовал в литературе нищенское тайноречие – блатной жаргон бандитского братства ракушников-кокильяров (le jobelin, XV-XVI вв.).

Пешон Де Рюби́ (Pechon de Ruby, *досл.* Резвый Малый, Резвун – псевдоним анонимного бретонского сочинителя XVI в.) – автор первого во французской литературе пикареского произведения «Житуха щедротная коробейников, богемских бродяжников и побирушников шельмецких» (La Vie généreuse des Mercelots, Gueuz et Boesmiens, 1596 г.), содержащего рассказ от первого лица Резвого Малого с частыми вкраплениями плутовских жаргонизмов, а также

насчитывающий ок. 160 терминов словарь этого тайноречия (le langage blesquien).

Оливье Шеро́ (Ollivier Chereau; начало XVII в.) – хозяин торговавшей шерстью лавочки в гор. Тур и автор книжицы «Жаргон, или преобразованный язык Лохмотной братии» (Le jargon ou langage de l'Argôt réformé; первое издание ок. 1629 г.), в которой на французском плутовском жаргоне аргó дано описание Лохмотной Монархии (la Monarchie d'Argôt) со своими Генеральными Штатами, Царём – Великим Коэсром (*или* Хосровом, le Grand Coësre), – с его провинциальными наместниками (*тайн.* les sagous), мудрецами (*тайн.* les archi-suprôts) и различными братьями нищих, а также – словарь аргó (ок. 260 терминов), Диалог Мерзуна (*тайн.* Polisson) и Недужника (*тайн.* Malingreux) и песня на той же фене.

Адриан де Монлюк (Adrien de Monluc, 1571-1646) – аристократ, придворный, военный, поэт и драматург, автор – среди прочего – «Комедии пословиц» (La Comédie des proverbes, ок. 1630 г.), в которой плутовским жаргоном аргó пользуются 4 нищеврода (les bohémiens), в т.ч. Великий Коэср (le Grand Coësre) и его провинциальный наместник (*тайн.* le sagou) [29, II, VI, с. 59-61].

На фоне непрерывной (в т.ч. в литературе) арготической традиции использование аргó на грани XIX-XX вв. обретало утрированный характер, напр. в сборнике «Мысли вслух бедняка» (“Les Soliloques du Pauvre”, 1895 г.) поэта Габриэля Рандо́на (он же Жан Риктёс, Gabriel Randon, Jehan Rictus /Зубоскал/, 1867 – 1933 гг.).

В германских государствах

Себастьян Брант (Sebastian Brant; Страсбург, 1457-1521 гг.; гуманист, философ, поэт и писатель-сатирик, автор сатирической поэмы «Корабль дураков» / 1494 г./) использовал в своём творчестве бытовавший с ок. 1250 г. германский плутовской жаргон ротвельш (rotwelsche Sprache, Rotwelsch < rott welsch *досл.* гнилой /порченный/ итальянский; Welschland – Италия; ср. польск. Włochy – Италия, *досл.* Страна длинноволосых /кельтов-лонгобардов/).

Народная «**Книга о бродяжниках**» (или «Братия нищевродов»; Liber Vagatorum, Der Bettler Orden, Пфорцхайм, ок. 1509 г.; *возм.* автор – **Матиас Хютлин** /Matthias Hütlin; ум. в Пфорцхайме, 1524 г./) со словариком жаргона ротвельш.

Памфилус Генгенбах (Pamphilus Gengenbach; 1480-1524 гг.; печатник, сатирик, памфлетист) использовал нищенский жаргон ротвельш, напр., в своём фастнахтшпиле «Тупицы» (Die Gauchmatt, 1521 г.).

В голландско-фламандском языковом ареале

В народной книге **«О нищebroдах и плутах, или лексикон шельмецов»**

(Der fielen, rabauwen, oft der schalcken vocabulaer, 1563 г.) – нидерландской переработке немецкой «Книги о бродяжниках» (Liber Vagatorum), – нашёл отражение бытующий в Нидерландах плутовской жаргон баргунс (het Bargoens; его исторические варианты: 't Gargoens в XII в., 't Arragoens в XVI в.).

На Британских островах

Джон О́длэй (John Audelay; ок. 1532-1575 гг.) – родоначальник британской пикарескной литературы (rogue literature), автор поэмы на староанглийском языке «Бродяжное братство» (The Fraternitey of Vacabonds, 1561 г., 1575 г.), в первой части которой с использованием воровского жаргона кэнт (thieves' cant) представлены типажи нищих попрошаек с указанием их уловок, а во второй – образы тоже занимающихся побирушничеством прилично одевающихся шаромыжников.

Томас Хартмэн (Thomas Hartman, расцвет творчества в 1547-1567 гг.) –

мелкопоместный нетитулованный дворянин, автор трактата «Остережение, сиречь предупреждение в связи с обычно встречающимися ходоками, в народе называемыми бродягами» (A Caveat or Warning for Common Cursitors, vulgarly

called Vagabones, 1566-1567 гг.) со словариком тайноречия кэнт.

Заимствования из кэнта часты в театральных постановках яковитского периода (при правлении /1603-1625 гг./ Якова I), и мы их находим, в частности, в комедии **Джона Флетчера** (John Fletcher; Рай /Вост. Суссекс/, 1579-1625 гг.; драматург, работал с соавторами) «Куст попрошаек» (Beggars' Bush, 1647 г.).

Результаты и обсуждение

Обсуждая высказывание литератора Николы Виллани (Nicola /или Niccolò/ Villani, Пистойя, 1590-1636 гг.):

«Таким-то и является язык, по злосчастью к нему прибегающими людьми называемый «плутовским» и изобретателем коего был некий Брокардо, на нём тоже стихотворствовавший с лёгкостью и без огорчений для Аполлона» [46, с. 81], –

и отклик на это филолога Родольфо Реньё (Тревизо, 1857 – 1915 гг.):

«...жаргон – ничьё это не изобретение, но одно из явлений, имеющих народный характер и возникающих самопроизвольно и обезличенно, чтобы

потребностям каким-то отвечать, в данном случае – преступников» [42, с. 8], –

апулийский филолог Антонелло Катерино (род. в обл. Фоджа, 1988 г.) замечает:

«Не думаю, что Виллани под “изобретателем” разумел “создателя языка”, но скорее – речь-то он вёл, в основном, о поэзии – как “первого настоящего автора жаргонной поэзии”» [15, с. 182], т.к. «... цельножаргонная поэзия до того момента никогда не задумывалась» [15, с. 181].

Результат всего вышеизложенного – показ, как в художественной литературе Италии XV–XVIII вв. в качестве стилистического средства использовалось плутовское тайноречие, на котором самый ранний связный текст (фрагмент) – относящееся к народному поэтическому творчеству (фольклору) пародийное благословение – появилось в 1484 – 1486 гг. в произведении урбинца Тезео Пини.

Заключение

Плутовское тайноречие (блатной жаргон, *il furbesco*, *тайн. il contrappunto*), бытовавшее в региональных вариантах в Италии с ок. XIII в., известное ренессансным интеллектуалам, присутствующее в художественной литературе в виде жаргонных вкраплений и при многоязычии феодально (вплоть до 1861 г.) раздробленной страны являющееся – наряду с прочими профессиональными и индивидуальными жаргонами, латынью, испанским и региональными языками и местными диалектами – источником лексического обогащения, в виде связного цельнотайноречного текста (фрагмента) впервые в художественной литературе Италии появилось во фтохологическом компендиуме «Зерцало черретанов, или О происхождении церровороцинских шаромыг и об их надувательствах» (Teseo Pinì, *Speculum cerretanorum, seu De cerretanorum origine eorumque fallaciis*, 1484-1486 гг.) урбинца Тезео Пини, при изложении со стихийным возрожденческим реализмом пикарескных новелл и эпизодов на сюжеты о бродячем люде не случайно приведшего пародийный заговор на блатном жаргоне, использование которого характерно для развившегося в полную меру в западноевропейской словесности несколько позже – в XVI–XVII вв. – нищесбродного литературного направления, т.е. для произведений шельмецкого (пикарескного) жанра с персонажами-пикаро (подлинными или деланными нищими, бродягами, побираушниками, попрошайками и проч.) в силу закономерной, требующейся для речевой характеристики персонажей взаимосвязи «герой-плут – плутовской жаргон».

Тезео Пини одним из первых (в 1484 – 1486 гг.) в западноевропейской литературе (после, напр., Франсуа Вийона, который пользовался феней ракушников-кокильяров /*le jobelin*/ до 1463 г.) среди задействованных языковых художественных средств применил блатной жаргон как стилистическое средство, опередив в этом Антонио Каммелли (он же Пистойя, стихи 1485 – 1495 гг.), Лудовико Ариосто (1498 г.), Пьетро Аретино и Анджели Беолко.

Блатной жаргон, связанный с менталитетом людей капиталистического общества, характеризующегося социально-экономически обусловленными тенденциями к аморальности и преступной деятельности, ставший модным при дворах князей и владетельных синьоров Италии XVI-XVII вв. и осуждаемый также и его носителями, выполняет в то же время в рамках художественной литературы стилистические функции, в т.ч.:

- лексическое обогащение,
- фактор языкового реализма,
- показ отношения автора к описываемому,
- речевая характеристика нищесбродных, аморальных, жуликоватых персонажей,
- бурлескный (карнавально-игровой) эффект в духе «Энеиды» Ивана Петровича Котляревского – напр. у Джован Франческо Феррари,

- шпигование стихов в манере Буркьялло – напр. у А.Каммелли (он же Пистойя),
- эффект двусмысленности – напр. у Франческо Берни,
- уничтожение оппонентов – напр. у Галеотто дель Карретто,
- средство конспирации.

При флорентийском великокняжеском дворе, где читались свежесочинённые октавы бурлескной поэмы «Моргант Великий» (т.е. «Звонарь» в полнотекстовой редакции), её автору, классiku итальянской литературы Луиджи Пульчи, и также ботавшему по фене светочу Ренессанса Лоренцо Великолепному (у обоих из-за аморальных похощений в эпштейновском духе имелись причины для конспирации), и их блистательному окружению было ясно значение полученного центральным персонажем поэмы *бурл.* прозвища

тайн. Morgante (< тайн. la morgana – колокол) Звонарь (уст. Ботарь; сампаного), остававшегося затем в течение веков скрытым под покровом отжившего жаргона.

Цельнотайноречные произведения словесности на старовенецианском блатном жаргоне со своеобразным нищеводным реализмом и народностью создавал в первой трети XVI в. Антонио Броккардо, вёдший полемику против (ориентирующей на литературные принципы античных греческих и латинских авторов, Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо) поэтики тречентизма и её защитника – теоретика литературы, аристократа и кардинала-догматика Пьетро Бембо, который в 30-40-х гг. XVI в. формировал литературную идеологию, подготовившую появление литературы Контрреформации. Отразившиеся на менталитете итальянских этносов догмы Пьетро Бембо о том, что письменный язык не должен приближаться к разговорному, основателя Академии Плевел Словесных (Accademia della Crusca) Лионардо Салвиати о пуризме и равнении на классиков, лингвистические установки Тридентского собора, а также реакционного деятеля Контрреформации Карло Борромео и христианского католического пропагандиста Франческо Панигарола являются затормаживающими факторами в развитии живого итальянского языка.

Список сокращений

араб. – арабский язык *мил.* – миланский диалект
бурл. бурлескное *нар.* – народное
вен. – венецианский диалект *окс.* – окситанский язык
возм. – возможно, возможный *польск.* – польский язык
досл. – дословно *посл.* – пословица, пословичное
индив. – индивидуальное, идиолéкт *сел.* – селение
ист. – историческое *син.* – синонимичное
ит. – итальянский язык *ср.* – сравни
кальм. – кальмонский жаргон *тайн., crypt.* – плутовское тайноречие
катал. – каталанский язык *тоск.* – тосканское
ивр. – иврит *фр.* – французский язык
лат. – латынь *уст.* – устаревшее

Список литературы

1. Ageno, Franca, “La lettera in furbesco di Luigi Pulci”, in: “Studi di filologia italiana”, G.S.Sansoni Editore. – Firenze, vol. XX, 1962.
2. Ageno, Franca, “Alcuni componimenti del Calmeta e un codice cinquecentesco poco noto”, in: «Lettere italiane», Anno XIII, №3, Leo S.Olschki Editore. – Firenze, 1961.
3. Angiolieri, Cecco, “I Sonetti”, Ditta Nicola Zanichell. – Bologna. – 1906.
4. Aretino, Pietro, “Capricciose et Piacevoli ragionamenti”, Stampati in Cosmopoli. – Elsevier, Leiden, 1660.
5. Ariosto, Ludovico, Opere minori, Riccardo Ricciardi Ed., Milano – Napoli. – 1954.
6. Bembo, Pietro, “Prose e rime”, a cura di Carlo Dionisotti, UTET. – Torino. – 1966.
7. Berni, Francesco, Opere. Ved. in: Biblioteca Rara, pubblicata da G.Daelli, vol. XLIV, G.Daelli e C. Editori. – Milano, 1864, parte I.
8. Bocchini, Bartolomeo, Raccolta di tutte l’Opere di Bartolomeo Bocchini, detto Zan Muzzina, Per Bartolomeo Soliani. – Modena, 1665.
9. Boiardo Matteo Maria. Orlando Innamorato / UTET. – Torino. – 1974.
10. Boiardo, Matteo, “Orlando Innamorato” rifatto da Francesco Berni, Casa Editrice M.Guigoni. – Milano, 1877, voll. I, II.
11. Brocardo, Antonio, “Modo nuovo de intendere la lingua zerga, cioè parlar furbesco”, In Frezzaria al Segno della Regina. -Venetia, 1578.
12. Cammelli, Antonio, I Sonetti del Pistoia giusta l’apografo trivulziano, a cura di Rodolfo Renier, Ermanno Loescher, Torino – Firenze – Roma, 1888.
13. Carretto, Galeotto del, “Poesie inedite” per A.G.Spinelli, in: Atti e Memorie della Società storica savonese. – Savona, 1888, vol. I.
14. Castiglione, Baldassarre, La seconda redazione del “Cortegiano”, edizione critica per cura di Ghino Ghinassi, G.C.Sansoni Editore. – Firenze. – 1968.
15. Caterino, Antonello Fabio, “La mimesi letteraria della lingua dei furfanti: il furbesco rinascimentale”, in: Eretici, dissidenti, inquisitori. Per un dizionario storico mediterraneo. Vol. 2. Aracne. – Roma, 2018.
16. Cervantes, Miguel De, “Don Quijote de la Mancha”, Editorial Ferma.- Barcelona. – 1966.
17. Dunning, Thomas Joseph, “Trades’ Unions and Strikes, their philosophy and intention”, Published by the Author. – London, 1860.
18. Erasmi, Desiderii Roterodami, “Dialogus Ciceronianus, sive De optimo genere dicendi”, Ex officina Joannis Maire. – Lugduni Batavorum, 1643.
19. Feliciano Felice. Rime varie [Электронный ресурс]. // Estense Digital Library. media/schedaopen.aspx?id=2468673& source=manoscritti_open_carouse (date of access 07.07.2026). – 2026. URL: <https://www.medialibrary.it/>.
20. Ferrari, Giovanfrancesco, Le rime burlesche, Appresso gli Heredi di Marchiò Sessa,. – Venetia, 1570.

21. Frianoro, Rafaele, “Il Vagabondo, ovvero Sferza de Bianti e Vagabondi”, Per Francesco Righettini. – Treviso, 1664.
22. Gensane Anne. Que reste-t-il de nos argots? [Электронный ресурс]. // The Conversation, 03.01.2026. (date of access 07.07.2026). – 2026. URL: <https://theconversation.com/que-reste-t-il-de-nos-argots-270994>.
23. Goldoni, Carlo, Opere complete editate dal Municipio di Venezia, Venezia. – 1908.
24. Guarini, Battista, “La Idropica”, Appresso Gio. Batt. Ciotti. – Venetia, 1613.
25. Lettere scritte a Pietro Aretino, a cura di Teodorico Landoni, Presso Gaetano Romagnoli. - Bologna, 1873, vol. I, parte I.
26. Marx, Karl, Engels, Friedrich, Werke, Band 23, «Das Kapital», Dietz Verlag. – Berlin. – 1968.
27. Mirandola, Gianfrancesco Pico della, “Io. Francisci Pici ad Petrum Bembum De Imitatione libellus”, Venetijs per Ioan. Ant. Eiusque fratres de Sabio. – 1530.
28. Moniglia, Andrea, Il Potestà di Colognole, All'Insegna della Stella, Ad Istanza di Gio. Batista Rontini Libraio. – Firenze, 1661.
29. Monluc, Adrien de, “La Comédie des proverbes”, Chez N. Pepingué. – Paris, 1665.
30. Ms. it. XI 66 /6730/ in Biblioteca Nazionale Marciana. – Venezia.
31. Nobili Raffaele. Brodjazhnij ljud / Feltrinelli Ed., 2026. (date of access 07.07.2026) [Электронный ресурс]. – 2026. URL: <https://ilmiolibro.kataweb.it/libro/narrativa/724952/рафаэле-нобили-бродяжный-люд-2/>.
32. Oudin, Cæsar, Tesoro de las dos lenguas española y francesa, Primera parte, a costa de Miguel Mayer. – Francia, 1675.
33. Panigarola, Francesco, “Il Predicatore”, Apparato per la Seconda parte, Appresso Bernardo Giunti, Gio. Battista Ciotti, & Compagni. – Venetia, 1609.
34. Pèrcopo, Erasmo, Antonio Cammelli e i suoi “Sonetti faceti”, Roma, 1913, R.Stabilimento Tipografico Francesco Giannini & Figli. – Napoli.
35. Pini, Teseo, “Speculum cerretanorum, seu De cerretanorum origine eorumque fallaciis”, a cura di Piero Tiraboschi. – Napoli: Edizioni Dedalus, 2000.
36. Plini Cæcili Secundi Epistularium, recognovit Henricus Keil, Sumptibus et typis B.G.Teubneri – Lipsiæ, 1868.
37. Poesie di Girolamo Biraghi, Pietro Cesare Larghi, Stefano Simonetta, Carl'Antonio Tanzi, Presso Giovanni Pirota. – Milano, 1816.
38. Pulci, Luigi, “Lettere a Lorenzo il Magnifico e ad altri” in Lucca della. – Tipografia Giusti, 1886.
39. Pulci, Luigi e Franco, Matteo, Sonetti di Matteo Franco e di Luigi Pulci, a cura di Filippo De' Rossi. – Lucca, 1759.
40. Pulci, Luigi, “Morgante Maggiore”, con note filologiche di Pietro Sermolli, Felice Le Monnier. – Firenze, 1855, voll. I, II.
41. Quevedo Villegas, Francisco de, “Historia y vida del Gran Tacaño”, Imprenta de A.Bergnes y Comp. – Barcelona, 1833.

-
42. Renier, Rodolfo, “Cenni sull’uso dell’antico gergo furbesco”, in: “Svaggi critici”, Gius. Laterza &. – Bari. – 1910.
  43. Romances de germanía, por don Antonio de Sancha. – Madrid, 1779.
  44. Rossi, Vittorio, Il Canzoniere inedito di Andrea Michieli detto Squarzòla o Strazzòla. Ved. in: Giornale storico della letteratura italiana, vol. XXVI, Ermanno Loescher, Torino. – Roma, 1895.
  45. Veneroni, Giovanni, Le Dictionaire imperial, Appresso Giovanni Davide Zunnero. – Frankfurt am Mayn, 1700.
  46. Villani, Nicola, “Ragionamento dello Accademico Aldeano sopra la poesia giocosa de’ Greci, de’ Latini, e de’ Toscani”, Appresso Gio. Pietro Pinelli. -Venetia, 1634.
  47. “La Vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades”, Edición y notas de Julio Cejador y Frauca, Ediciones “La Lectura”. – Madrid. – 1914.